ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9

Психология личности в условиях новой нормальности: методологические ориентиры и исследовательские подходы*

М. С. Гусельцева

Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, 9-4
Московский институт психоанализа,
Российская Федерация, 121170, Москва, Кутузовский пр., 34-14

Для цитирования: *Гусельцева М. С.* Психология личности в условиях новой нормальности: методологические ориентиры и исследовательские подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2026. Т. 16. Вып. 3. С. 414–428. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.302

Затянувшееся переходное состояние современности все чаще обозначается понятием новой нормальности. Этот термин фиксирует не только конкретную историческую ситуацию, но и более широкие трансформации способов человеческого существования в меняющемся мире. Постпандемийная реальность, цифровизация всех сфер жизни, ускорение социальных процессов, изменения идентичности и трансформации ценностных ориентиров, меняющийся характер коммуникации, рост неопределенности и утрата устойчивых образов будущего — все это воздействует как на социальные практики, так и на структуры субъективного опыта. Эти изменения затрагивают формы переживания, способы рефлексии, границы между внутренним и внешним, а также механизмы конструирования идентичности. Для психологии личности этот сдвиг имеет фундаментальное значение. Исследователь сталкивается с необходимостью рассматривать личность не как фиксированную систему черт, а как динамическую структуру, непрерывно формирующуюся в меняющемся мире. Это требует переосмысления методологических оснований дисциплины, ее категориального аппарата и исследовательских стратегий. В условиях новой нормальности центральным становится вопрос,

* Исследование выполнено в рамках госзадания FNRE-2024-0016 «Психологические эффекты цифровизации образовательной среды: возможности когнитивного и личностного развития и риски социализации».

© М. С. Гусельцева, 2026

каким образом личность переживает, осмысливает и реконструирует свой опыт, когда привычные формы порядка, предсказуемости и рациональности перестают быть самоочевидными. Феномен новой нормальности ставит перед психологией личности задачу обновления теоретических подходов и методов исследования. Неоднократно отмечалось, что прежние модели, ориентированные на устойчивость и нормативность, оказываются недостаточными для описания субъекта, живущего в условиях неопределенности, стремительных изменений и множественных реальностей. Новые методологические стратегии направлены на обеспечение более релевантного понимания личности в трансформирующемся мире и включают осознанную работу исследователя с собственными теоретическими предвзятостями, стереотипами и когнитивными искажениями. Перспективным направлением представляется интеграция антропологического, герменевтического, феноменологического и когнитивного подходов, позволяющая проводить многомерный анализ человеческой субъективности в условиях растущей турбулентности.

Ключевые слова: методология, трансформации современности, новая нормальность, феноменологический подход, личность, трансдисциплинарность.

Personality psychology in the context of the new normal: Methodological guidelines and research approaches*

M. S. Guseltseva

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research ,
9-4, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation
Moscow Institute of Psychoanalysis,
34-14, Kutuzovsky pr., Moscow, 121170, Russian Federation

For citation: Guseltseva M. S. Personality psychology in the context of the new normal: Methodological guidelines and research approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2026, vol. 16, issue 3, pp. 414–428. https://doi.org/10.21638/spbu16.2026.302 (In Russian)

A prolonged transitional condition of contemporary society is increasingly described through the concept of new normal. This term denotes not only a specific historical moment but also broader transformations in modes of human existence within a rapidly changing world. Post-pandemic realities, digitalization of everyday life, accelerating social processes, shifting identities and values, changing communication practices, growing uncertainty, and the erosion of stable images of the future reshape both social practices and structures of subjective experience. These processes affect lived experience, reflection, the boundaries between the internal and external, and the mechanisms of identity construction. For personality psychology, these transformations have fundamental implications. Personality can no longer be understood primarily as a stable configuration of traits; instead, it appears as a dynamic structure continuously reconstructed through interaction with changing social and cultural contexts. Such conditions require reconsideration of the methodological foundations of the discipline, its conceptual vocabulary, and research strategies. Within the framework of new normal, a central research question concerns how individuals experience, interpret, and reorganize their lives when familiar forms of order, predictability, and rationality lose their self-evidence. Earlier theoretical models oriented toward stability and normativity prove insufficient for describing subjects living amid uncertainty, rapid change, and multiple realities. Emerging methodological approaches therefore seek to develop more adequate strategies for studying personality in a transforming world, emphasizing reflex-

* The study was supportsd within the framework of state assignment FNRE-2024-0016, "Psychological effects of the digitalization of the educational environment: Opportunities for cognitive and personal development and risks to socialization."

ive awareness of theoretical presuppositions and integrating anthropological, hermeneutic, phenomenological, and cognitive perspectives for a multidimensional analysis of human subjectivity under conditions of increasing social turbulence.

Keywords: methodology, transformations of modernity, new normality, phenomenological approach, personality, transdisciplinarity.

Введение

Современное общество находится в состоянии постоянных и многоуровневых трансформаций, все чаще обозначаемом исследователями как новая нормальность. Этот термин фиксирует изменения, связанные с постпандемийной реальностью, цифровизацией, ускорением социальных процессов, ростом неопределенности и сжатием временно́й перспективы (Diekmann, 2022; Pacheco, 2021; Rosa, Trejo-Mathys, 2013; Sato, 2023; Sooryamoorthy, Ojong, 2023; Vial, 2019).

В социальных науках термин «новая нормальность» используется для описания такого состояния общества, в котором нестабильность и неопределенность становятся устойчивым фоном повседневной жизни. Таким образом, речь идет не о кратковременном кризисе, а о долговременной трансформации структуры жизненного мира. Для психологии личности подобные изменения имеют фундаментальное значение: они побуждают к выходу за пределы канонических моделей, сформированных в эпоху, когда идентичность рассматривалась как более стабильная, а развитие — как нормативное и предсказуемое.

Цель статьи — продемонстрировать, что феномен новой нормальности в его социокультурном, культурно-психологическом, технологическом и экзистенциальном измерениях так или иначе ведет к пересмотру методологических оснований психологии личности.

Новая нормальность как теоретический конструкт

Понятие «новая нормальность» (new normal) отражает сегодня не столько конкретную историческую ситуацию, сколько более широкие трансформации способов человеческого бытия в условиях меняющегося мира. Оно вошло в активный научный оборот в связи с пережитым опытом пандемии COVID-19, цифровизацией различных сфер жизни, ростом неопределенности и утратой устойчивых образов будущего.

Для психологии личности обращение к этому понятию связано с методологическими вызовами. Исследователь сталкивается с необходимостью рассматривать личность не как стабильную систему характеристик, а как динамическую, самоорганизующуюся структуру, непрерывно перестраивающую режимы своего функционирования в условиях ускоренных социальных изменений. Это, в свою очередь, предполагает пересмотр теоретических оснований дисциплины, ее концептуального аппарата и исследовательских стратегий.

Если поначалу понятие «новая нормальность» обозначало скорее вызванные пандемией COVID-19 последствия, то сегодня этот термин описывает способы человеческого существования, характеризующиеся неопределенностью, ускорением социальных перемен и цифровой опосредованностью повседневного опыта. Новая

нормальность служит объяснительной моделью для анализа текущих трансформаций, которые происходят в пределах жизни одного поколения.

В теоретическом плане новая нормальность представляет концептуализацию изменений в способах восприятия, понимания и структурирования мира, возникающих после масштабных кризисов — пандемических, технологических, социальных и т. п. Понятие охватывает не только модифицированные социальные практики, но и новые режимы видимости и интерпретации реальности, где общепринятые представления о допустимом, разумном и реальном (то есть привычные формы адекватности — «что есть реальное?», «что есть разумное?», «что есть допустимое?») становятся подвижными и ставятся под вопрос.

Таким образом, новая нормальность подразумевает:

- нестабильность как постоянное состояние, так называемое постоянство изменений, на что указывало множество авторов в психологии и социальных науках (Гришина, Костромина, 2021; Bauman, 2000; Rosa, Trejo-Mathys, 2013; и др.), рост уязвимости, тревожности, потребность в экзистенциальной безопасности;
- микширование, гибридизацию реальности, пересечение физических, цифровых и символических пространств; это породило концепции сверхсложности и сверхразнообразия (Eriksen, 2003; Vertovec et al., 2022);
- трансформации и/или дестабилизацию идентичности: множественность, изобретение новых форм, антиномии автономии и зависимости, приватности и публичности (Eriksen, Schober, 2016);
- усиление чувствительности, рефлексивности, трансформации этики и социальных норм, поиски устойчивых оснований («скреп» или смыслов) в ситуации постоянства изменений.

Таким образом, новая нормальность связана со сдвигом перцептивных и когнитивных режимов человеческого бытия. Ее можно определить как переживание реальности, в котором границы между внутренним и внешним, частным и коллективным, реальным и виртуальным то ли размыты, то ли становятся текучими.

Кроме того, феноменология новой нормальности может быть рассмотрена в различных ракурсах — социокультурном, технологическом, экзистенциальном. Однако предметом нашего исследовательского интереса является не описание трансформаций современности, а, с одной стороны, смещение «координат адекватности», а с другой — эпистемологические повороты и методологические стратегии, позволяющие продуктивно работать с меняющимися реальностями.

Суть новой нормальности сводима к ряду характеристик:

- нормализуется постоянство изменений, постоянство неопределенности;
- размываются границы между реальным и виртуальным, фактами и интерпретациями (с последним связаны феномены постнауки, обсуждение проблемы постчеловека — развитие за счет биотехнологий, ведущее к трансформациям индивида и личности);
- в социальном пространстве усиливается разнообразие опыта, стилей жизни, множественность перспектив: феномены сверхразнообразия, сверхсложности, нелинейности, изменения изменений (Гусельцева, 2025);
- ускоряются когнитивные ритмы и сокращаются горизонты внимания: феномены многозадачности, ускорения ускорений, перегрева и т. п. (Eriksen, Schober, 2016; Sato, 2023; Turkle, 2015).

Таким образом, в условиях изменившегося для субъекта пространства повседневности новая нормальность вольно или невольно перестраивает процессы восприятия, мышления, осознания. В радикальных случаях то, что еще вчера интерпретировалось как патология, сегодня выступает в роли адаптивной стратегии, новой адаптации (new adaptation).

Сложившаяся социокультурная и эпистемическая ситуации придают особую значимость феноменологической перспективе. Последняя позволяет одновременно фиксировать происходящие изменения и осмысливать их в координатах переживаемого опыта, рассматривая их, в частности, как трансформации способов бытия человека-в-мире.

Феноменология новой нормальности

Для того чтобы понимать, обнаруживать, видеть феноменологию новой нормальности, исследователю необходимо модифицировать собственное исследовательское сознание, иными словами, поработать со своими представлениями и установками восприятия. Как тезис это звучит тривиально, однако практическая реализация является и методологически, и экзистенциально сложной.

В этой связи востребованным становится феноменологический подход, предложенный Э. Гуссерлем (E. Husserl), — метод феноменологической редукции (Гуссерль, 2005): речь идет об изменении естественной установки, с помощью которой человек воспринимает и конституирует реальность. Если для классической эпохи характерны были доверие к устойчивости мира, опора на традиции и универсальной порядок вещей, то современный субъект погружен во множественные, неоднозначные и противоречивые контексты, где в ситуации парадоксального постоянства изменений привычные формы опыта становятся проблематичными.

Так, переживание времени и пространства утрачивает линейность: цифровая среда размывает границы между «здесь» и «там», «теперь» и «потом». Переживание реальности все чаще опосредовано алгоритмами, симуляциями, медийными образами. Все это порождает не только новые формы восприятия (например, клиповость, гипертекстуальность, сетевое рассредоточение внимания, мультимодальность, иммерсивность, опосредованную алгоритмами избирательность и т. п.), но и переживание экзистенциальной уязвимости, информационной избыточности, неуверенности в завтрашнем дне.

Феноменологический анализ рассматривает эти изменения не как внешние обстоятельства, а как трансформацию самой структуры субъективного опыта, тех априорных схем, через которые личность осмысливает видимый мир. В этом плане новая нормальность есть не просто изменение социокультурной среды, но и парадигмальный сдвиг в антропологической ситуации развития человека. Трансформации структуры субъективного опыта затрагивают такие категории, как жизненный мир, режимы видимости, темпоральность, переживание неустойчивости бытия, творчество смыслов и т. п. Утрата естественной установки здесь означает, что привычные опоры повседневного существования — стабильность, произвольный контроль, рациональность — перестают быть самоочевидными и возникает потребность в более тонких аналитических инструментах, способных фиксировать изменения структуры субъективного опыта и/или выявлять механизмы смыслопорождения.

Эпистемологические повороты социальных наук

Возвращаясь к вопросам методологии, сфокусируем внимание на исследовательских стратегиях, позволяющих работать не только с феноменальной реальностью, но и с сознанием самого исследователя, его способами восприятия и интерпретации:

- постнеклассическая наука, в контексте которой появилось понятие саморефлексивности или рефлективной сложности;
- трансдисциплинарный подход, расширяющий сознание исследователя за счет стихийного формирования метапозиции;
- антропологический подход с установками понимать чужое как свое и свое как чужое;
- герменевтический подход, сосредоточенный на вопросах понимания и интерпретации;
- феноменологический подход с пресловутой феноменологический редукцией.

В социокультурной и познавательной ситуации, обусловленной трансформациями человека и мира, сформировался и такой феномен, как постнормальная наука (Funtowicz, Ravetz, 1993; Ravetz, 2020). Ее основатели — Дж. Равец (J. Ravetz) и С. Фунтович (S. Funtowicz) «выбрали этот термин в качестве дани уважения Томасу Куну, философу науки, чья знаменитая книга “Структура научных революций” развила концепцию “нормальной” науки, описывающую деятельность большинства ученых: решение головоломок в рамках догматически навязанной парадигмы» (Ravetz, 2020, p. 1). Нормальная наука предполагала, что ученые занимаются профессиональными задачами в относительной изоляции от общества, тогда как задачей Дж. Равеца и С. Фунтовича было «представить и описать совершенно иную науку, где факты неопределенны, социальные ставки высоки, решения срочные, а ценности спорны» (Ravetz, 2020, p. 1).

Согласно определению Дж. Равеца, «постнормальная наука предлагает ви́дение, соответствующее сложности науки, общества и природы» (Ravetz, 2020, p. 1). Такое же новое ви́дение, релевантное трансформациям современности, развивают и другие подходы: постнормальная наука, как и трансдисциплинарный подход, и антропология современности, работает с феноменологией сверхсложного, сверхдинамичного и сверхразнообразного мира. Возникающие в контексте этих подходов методологические стратегии стремятся охватить современные феномены в их объемности, многомерности, а также сделать научное знание более достоверным и точным, эффективным в прикладном приложении. Так, одной из важных категорий в современном мире является безопасность. Но что есть безопасность в качестве социально-психологического феномена? Постнормальная наука рассматривает безопасность, как минимум, в четырех измерениях:

1) прагматическом (политическом);
2) научном;
3) психологическом;
4) этическом.

Иными словами, безопасность «относится ко всему контексту, в котором опасность создается, контролируется, переживается и оспаривается» (Ravetz, 2020, p. 1).

В контексте постнормальной науки обсуждалось и представление о «новой норме». Последняя охарактеризована в качестве «ситуации, к которой нам всем придется привыкнуть, когда все уляжется и мы приспособимся к изменениям» (Ravetz, 2020, p. 1).

В целом же трансформации, которые переживает методология социальных наук, следует определить как движение от объективирующих стратегий к интерпретирующим и саморефлексивным. А именно:

- от эмпиризма — к интерпретативности (включая понимающие методы и опору на интерсубъективность);
- от дисциплинарности — к трансдисциплинарности;
- от наблюдения — к соучастию (что предполагает занятие исследователем антропологической позиции).

Суть этих методологических инноваций в устремлении к интегративности, меж- и трансдисциплинарности. Современная психология личности не изолирована от общей эволюции познания, от процессов трансформации науки как таковой — постнеклассических, постнормальных и трансдисциплинарных перспектив ее развития. После пережитого в XX в. кризиса позитивистских и редукционистских моделей — в духе классического эмпиризма и бихевиоризма — социальные науки переходят к эпистемологии сложных систем, субъектно-ориентированным подходам, новому феноменологическому реализму.

Отметим возвышение качественной методологии, включая реконструкции опыта; феноменологическое интервью, включенное наблюдение, автоэтнографию, анализ смысловых полей, психосемантические методы, нарративные исследования и т. п. (в дальнейшем мы к ним вернемся). Однако это не означает снижения значимости вопросов объективности и достоверности познания, развития доказательной науки.

Тем не менее легитимация качественной методологии усиливает движение от нормативных моделей личности — к идиографическим, процессуальным, контекстуальным моделям субъективности. Антропологическая, герменевтическая и феноменологическая перспективы познания создают для психологии возможности рассмотреть феноменологию новой нормальности не как отклонение от нормы, а как становление новых форм человеческого опыта (гибридизация биологического и технологического, биохакинг, цифровая идентичность, онлайн-социальность (Herbrechter et al., 2022)). Механизмом реализации этих перспектив зачастую становится трансдисциплинарность. Она помогает освободиться от когнитивных и концептуальных искажений, понять, каким образом личность воссоздает целостность, порождает смыслы, самоопределяется в условиях современности, или — что не менее важно — поставить вопрос о дефицитарности личности при депривации этих процессов.

Попадая в фокус внимания, новая феноменология личности стимулирует разработку новых подходов. Психология личности при этом находится в эпицентре трансформаций социальных и гуманитарных наук.

Новая феноменология личности

На протяжении XX в. психология личности прошла путь от моделирования устойчивых черт и типологий к пониманию личности как открытой и саморазвивающейся системы. Среди подходов, опирающихся на качественную методологию,

следует отметить теорию диалогического Я Губерта Херманса (Hubert Hermans, p. 1937), развивающую идеи М. М. Бахтина, а также конструктивистские и нарративные концепции, которые интерпретируют личность как многослойную, динамическую и самовоссоздающуюся структуру (Hermans, 2022; Hermans et al., 2019).

Новая феноменология личности представляет новый способ ви́дения и интерпретации личности: последняя предстает как субъект опыта и актор — участный (термин М. М. Бахтина) и участвующий, адаптирующийся к изменениям, контекстуально чувствительный и изменчивый. Новое понимание личности предполагает диалогичность, процессуальность, усиление аксиологического измерения в психологии.

В феноменологии новой нормальности идентичность выступает как процесс, а не данность. Личность мыслится не автономным субъектом, действующим в стабильном мире, а потоком активности и интерактивности, пребывающим в режимах постоянной адаптации, переконфигурации, самоосмысления. Субъект современности живет одновременно во множестве реальностей — повседневных, виртуальных, символических. В сверхсложном и сверхразнообразном мире необходимо удерживать множество перспектив, совмещать противоречивые смыслы, и — в идеале — осознанно адаптироваться к происходящим изменениям. На первый план выходят процессы переживания, смыслообразования, самоопределения, стратегии адаптации к неопределенности.

Это добавляет актуальности антропологическим, герменевтическим и феноменологическим подходам, ориентированным на исследование становящихся структур переживания и смыслопорождения; изучение того, как личность переживает трансформации и справляется с неопределенностью, каким образом воссоздает новые формы целостности в фрагментированном мире (с последним связан, например, такой феномен, как креолизация (Eriksen, 2003)).

Если свести текущие трансформации личности и способы их изучения в подобие некой системы, речь пойдет об акценте на категориях опыта, субъектности, спонтанности, а также об изменениях в аффективной сфере и практиках осознанности. Подобного рода эпистемологический поворот можно охарактеризовать как движение от автономного субъекта к множественности и контекстуальности Я: понимание личности как диалогической, многослойной, текучей структуры (Hermans, 2022; Gergen, Gill, 2020).

Экзистенциально-феноменологический поворот выразился в переосмыслении идей Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти (M. Merleau-Ponty), Ж.-П. Сартра (J.-P. Sartre), К. Ясперса (K. Jaspers), П. Рикёра (P. Ricœur) посредством категории опыта (Gallagher, Zahavi, 2021; Smith et al., 2022). С этих методологических позиций личность предстает как динамический процесс адаптации и реконструкции самости; становится феноменом живого присутствия, где соединены, переплетены, смешаны (или же, напротив, диссоциированы) телесное, социальное, культурное, символическое, виртуальное измерения (Gallagher, 2023; Thompson, 2007).

Отдельные направления исследований связаны с изучением нормализации аффективности (normalization of affectivity), а также новой этики, практик осознанности (mindfulness, self-awareness) и самоанализа (Gregg, Seigworth, 2010; Illouz, 2007; Lara et al., 2017; Leys, 2011; Massumi, 1995; Massumi, 2015; Zahavi, 1999).

Феноменологический анализ субъективного опыта направлен на выявление того, как человек вживается в изменившиеся условия бытия. В фокус попадают во-

просы изменения структуры восприятия под влиянием цифровой среды (digitally mediated perception); трансформации телесности и пространства присутствия (embodied vs disembodied self; virtual embodiment); изменения темпоральности и ритмов жизни (ускорение и совладание с ним, например посредством осознанности или движений «медленная жизнь») (Эриксен, 2003; Eriksen, Schober, 2016; Fuchs, 2018; Gallagher, Daly, 2018; Pacheco, 2021; Sooryamoorthy, Ojong, 2023; Zahavi, 2005; Zahavi, 2012).

Феноменологически ориентированные исследования ставят во главу углу взаимопроникновение когнитивного, аффективного и социального. Личность утрачивает характерную для психологии конца XIX и первой половины XX в. «лабораторную замкнутость»: она не отделена от мира, не предзадана, а порождается во встрече — с Другим, в соприкосновении с культурой и историей. Это придает психологии не только теоретическую, но и этическую глубину: исследование личности одновременно становится практикой признания ее достоинства, уникальности, уязвимости.

Более того, это общий тренд, связывающий психологию личности и феноменологическую психологию с идеями постнормальной науки, где на первый план выходят вопросы ценностей, этической ответственности и совместного производства знания (Funtowicz, Ravetz, 1993; Ravetz, 2020).

В этой эпистемологической рамке:

- личность изучается в системе «человек — техника — культура»;
- исследование предполагает участие субъекта как соавтора знания;
- ценностный и этический компонент включены в структуру методологии;
- происходит интеграция феноменологии с психологией личности, культурной психологией, когнитивной антропологией, нейронауками, философией сознания и эстетикой опыта (aesthetics of experience).

Методологические ориентиры и исследовательские подходы

Двигаясь от новой феноменологии личности к эпистемологическим поворотам, обратим внимание на методологические ориентиры, направляющие работу исследователя.

Во-первых, феноменологическая установка — приостановка суждений и анализ опыта в его данности, включая саморефлексию и контроль над предвзятостью собственных суждений.

Во-вторых, рефлективная сложность или саморефлексивность — осознание и произвольное отслеживание своих предпосылок и культурных фильтров и их влияние на интерпретацию.

Третье. Интерсубъективность — признание существования множества точек зрения и уважение и/или сочувствие к иным смысловым позициям.

Четвертое. Контекстуальность — анализ опыта субъекта в потоке повседневности; изучение личности в ее конкретной культурной, социальной, жизненной среде.

Пятое. Этическая чувствительность (или эмпатическая установка) — уважение к уникальности опыта/переживания и самозапрет на сведение субъективного к нормативному (т. е. к предустановленным категориям нормы/патологии).

Общей тенденцией этих методологических ориентиров выступает отказ от редукции личности к измеряемым параметрам в пользу анализа смыслового континуума, то есть того, как личность проживает, осмысливает и реконструирует субъективный опыт в естественной среде, в рутинах повседневности.

Под влиянием этих методологических ориентиров в психологии и социальных науках сформировался ряд исследовательских приемов, поддерживающих и развивающих феноменологические идеи. Вот некоторые из них:

- феноменологическое интервью — метод, направленный на выявление структуры переживания (например, опыта тревоги, утраты, цифрового присутствия);
- интерпретативный феноменологический анализ (Interpretative phenomenological analysis, IPA) — исследование личностных смыслов субъекта, того, как он переживает ту или иную ситуацию, исследование; сочетает феноменологию и герменевтику;
- этнометодология и «насыщенное описание» (thick description) — фиксация повседневных способов смыслообразования и выявление их культурных предпосылок;
- автоэтнография — использование собственного опыта исследователя для анализа культурно-психологических феноменов;
- постфеноменология — изучение того, как технологии трансформируют восприятие субъекта, его телесность, идентичность.

Перечисленные стратегии объединяет стремление описывать опыт в его непосредственной данности, минимизировать влияние концептуальных предвзятостей и т. п. В условиях новой нормальности такая установка способствует обнаружению неочевидных трансформаций субъективности, еще не успевших получить категориальное выражение в языке науки.

Важно отметить ряд подходов, развивающихся в контексте российской психологии. Это субъектно-бытийный подход к личности, ситуативный и экзистенциальный подходы, а также формирующиеся исследовательские направления, такие как психология возможного и психология повседневности (Гришина, 2019; Гришина, Костромина, 2021; Костромина, Гришина, 2021; Знаков, 2022; Леонтьев, 2011; Марцинковская и др., 2024; Сергиенко, 2024). Субъектность становится ключевым понятием, подразумевающим не только активность личности, но и ее бытие в разнообразии контекстов; самосозидание посредством опыта, смыслов, ценностей (Сергиенко, 2024). Бытие — философский термин, используемый в этом ракурсе как психологический конструкт, что позволяет ввести диалектику субъекта и его бытия в фокус психологии личности. Это дает возможность интегрировать различные проявления субъекта, рассматривая жизненный мир личности, который она может расширять, реорганизовывать, трансформировать в соответствии со своими целями и смыслами. Подлинность бытия выражает здесь стремление личности к аутентичности в условиях как социокультурных ожиданий, так и социального давления, что предполагает опору на практики осознанности, самостроительства и самовыражения. Фокусировка психологии личности на аспектах контекстуальности, процессуальности и динамичности отражает пребывание субъекта в диалектике постоянства и изменений (Гришина, Костромина, 2021). В свою очередь антиномичность, амбивалентность и полифоничность служат основанием для целостности личности в антропологической перспективе.

Заключение

Обновление методологического инструментария психологии личности происходит в двух направлениях: под влиянием новой феноменологии и эпистемологических поворотов социальных наук. Параллельно идет и латентная антропологизация психологии, ее возвращение к гуманитарным основам.

В этом контексте инновационный потенциал для развития психологии личности могут предложить следующие исследовательские направления:

- антропология современности, интегрирующая эмпирические, экзистенциальные и этические измерения человеческого бытия и анализирующая личность в динамической системе «человек — техника — культура»;
- постнормальная наука, предполагающая вовлеченность самого субъекта в производство знания;
- постнеклассическая наука, где ценностные и этические компоненты включены в структуру познания;
- трансдисциплинарные подходы, объединяющие психологию личности с феноменологией, культурной психологией, нейронауками, когнитивной антропологией, философией сознания и эстетикой опыта.

Появление же новой исследовательской оптики обусловлено трансформациями в социальном познании и репрезентировано тремя эпистемологическими поворотами.

Первый поворот — от объяснения к пониманию.

Современные социогуманитарные науки исходят из того, что лучшее понимание достигается не дистанцированием, а через участие и соотнесение с опытом Другого. В этом отношении феноменологическая редукция Э. Гуссерля и антропологическая установка воспринимать чужое как свое сопоставимы как формы методологической рефлексии, позволяющие временно приостановить собственные предпосылки и занять метапозицию.

Второй поворот — от дисциплинарности к трансдисциплинарности.

Современная психология все активнее интегрирует концепты философии, культурной антропологии, когнитивных и социальных наук. Личность рассматривается как многомерная система, доступная пониманию в совмещении антропологических, телесных, социальных, культурных, символических и цифровых перспектив.

Третий поворот — от наблюдения к соучастию.

Исследователь перестает быть лишь внешним наблюдателем, действуя как субъект со своими смыслами и установками. Если классическая наука стремилась исключить субъективность, то постнеклассическая наука контролирует ее через метапозицию, позволяющую видеть и себя, и другого одновременно как участников и как объекты изучения.

Эти сдвиги формируют предпосылки для исследований, позволяющих описывать не только то, что человек делает, но как он переживает себя и мир в условиях трансформирующейся современности.

Литература

Гришина Н. В. (ред.). Психология личности: Пребывание в изменении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019.

Гришина Н. В., Костромина С. Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основание целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 3. С. 39–51.

Гусельцева М. С. Трансформации современности: человек, мир, методология // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2025. Т. 15, № 3. С. 352–370.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.

Знаков В. В. Теоретические основания психологии возможного // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, вып. 2. С. 122–131.

Костромина С. Н., Гришина Н. В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.

Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.

Марцинковская Т. Д., Полева Н. С., Хорошилов Д. А. Психология повседневности. М.: Моск. ин-т психоанализа, 2024.

Сергиенко Е. А. Субъектно-бытийный подход к личности в системе координат современных научных подходов // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 2. С. 46–62.

Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь Мир, 2003.

Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2000.

Diekmann A. Emergence of and compliance with new social norms: The example of the COVID crisis in Germany // Rationality and Society. 2022. Vol. 34, no. 2. P. 129–154. https://doi.org/10.1177/10434631221092749

Eriksen T. H. (*ed.*). Globalization: Studies in anthropology. London: Pluto Press, 2003.

Eriksen T. H., Schober E. Identity destabilized: Living in an overheated world. London: Pluto Press, 2016.

Fuchs T. Ecology of the Brain: The Phenomenology and Biology of the Embodied Mind. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Funtowicz S. O., Ravetz J. R. Science for the post-normal age // Futures. 1993. Vol. 25, no. 7. P. 739–755. https://doi.org/10.1016/0016-3287(93)90022-l

Gallagher S. Embodied and Enactive Approaches to Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.

Gallagher S., Daly A. Dynamical relations in the self-pattern // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Art. 664. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00664

Gallagher S., Zahavi D. The Phenomenological Mind. London; New York: Routledge, 2021.

Gergen K. J., Gill S. R. Beyond the Tyranny of Testing: Relational Evaluation in Education. New York: Oxford University Press, 2020.

Gregg M., Seigworth G. J. (eds). The Affect Theory Reader. New York: Duke University Press, 2010. https://doi.org/10.1515/9780822393047

Herbrechter S., Callus I., Rossini M., Grech M., de Bruin-Molé M., Müller Ch. J. (eds). Palgrave Handbook of Critical Posthumanism. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.

Hermans H. J. M. Liberation in the Face of Uncertainty: A New Development in Dialogical Self Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Hermans H. J. M., Konopka A., Gonçalves M. (eds). Handbook of Dialogical Self Theory and Psychotherapy: Bridging Psychotherapeutic and Cultural Traditions. London: Routledge, 2019.

Illouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Malden: Polity, 2007.

Lara A., Liu W., Ashley C. P., Nishida A., Liebert R. J., Billies M. Affect and subjectivity // Subjectivity. 2017. Vol. 10. P. 30–43. https://doi.org/10.1057/s41286-016-0020-8

Leys R. The turn to affect: A critique // Critical Inquiry. 2011. Vol. 37, no. 3. P. 434–472. https://doi.org/10.1086/659353

Massumi B. The autonomy of affect // Cultural Critique. 1995. Vol. 31. P. 83–109.

Massumi B. Politics of Affect. Malden: Polity, 2015.

Pacheco J. A. The "new normal" in education // Prospects (Paris). 2021. Vol. 51, no. 1–3. P. 3–14. https://doi.org/10.1007/s11125-020-09521-x

Ravetz J. R. Science for a proper recovery: Post-normal, not new normal // Issues in Science and Technology. 2020. Vol. XXXVI, no. 4. URL: https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery/ (дата обращения: 17.10.2025).
Rosa H., Trejo-Mathys J. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013.
Sato S. N. Navigating the new normal: Adapting online and distance learning // Education Sciences. 2023. Vol. 14, no. 1. Art. 19. https://doi.org/10.3390/educsci14010019
Smith J. A., Flowers P., Larkin M. Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research. London: SAGE Publications, 2022. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/121710_book_item_121710.pdf (дата обращения: 17.10.2025).
Sooryamoorthy R., Ojong V. (eds). Researching the 'New Normal' Social World: Methodological Adaptations and Innovations Post-Pandemic. London: Routledge, 2023.
Thompson E. Mind in Life: Biology, Phenomenology, and the Sciences of Mind. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2007.
Turkle S. Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age. New York: Penguin Books; Viking, 2015.
Vertovec S., Sigona N., Meissner F. (eds). The Oxford Handbook of Superdiversity. Oxford: Oxford University Press, 2022.
Vial S. Being and the screen: How the digital changes perception. Cambridge: MIT Press, 2019.
Zahavi D. Self-awareness and Alterity. Evanston: Northwestern University Press, 1999.
Zahavi D. Subjectivity and Selfhood: Investigating the first-person perspective. Cambridge: MIT Press, 2005.
Zahavi D. (ed.). The Oxford Handbook of Contemporary Phenomenology. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2025 г.;
рекомендована к печати 5 марта 2026 г.

Контактная информация

Гусельцева Марина Сергеевна — д-р психол. наук; https://orcid.org/0000-0002-0545-0612, mguseltseva@mail.ru

References

Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
Diekmann, A. (2022). Emergence of and compliance with new social norms: The example of the COVID crisis in Germany. *Rationality and Society*, 34 (2), 129–154. https://doi.org/10.1177/10434631221092749
Eriksen, T. H. (2003). *Tyranny of the Moment. Fast and Slow Time in the Information Age*. Moscow, Ves' Mir Publ. (In Russian)
Eriksen, T. H. (ed.) (2003). *Globalization: Studies in anthropology*. London, Pluto Press.
Eriksen, T. H., Schober, E. (2016). *Identity Destabilized: Living in an overheated world*. London, Pluto Press.
Fuchs, T. (2018). *Ecology of the Brain: The Phenomenology and Biology of the Embodied Mind*. Oxford, Oxford University Press.
Funtowicz, S. O., Ravetz, J. R. (1993). Science for the post-normal age. *Futures*, 25 (7), 739–755. https://doi.org/10.1016/0016-3287(93)90022-l
Gallagher, S. (2023). *Embodied and Enactive Approaches to Cognition*. Cambridge, University of Cambridge Press.
Gallagher, S., Daly, A. (2018). Dynamical relations in the self-pattern. *Frontiers in Psychology*, 9, 664. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00664
Gallagher, S., Zahavi, D. (2021). *The Phenomenological Mind*. New York, Routledge.
Gergen, K. J., Gill, S. R. (2020). *Beyond the Tyranny of Testing: Relational Evaluation in Education*. New York, Oxford University Press.

Giorgi, A. (2019). *Psychology as a Human Science: A Phenomenologically-Based Approach*. New York, University Professors Press.
Gregg, M., Seigworth, G. J. (eds) (2010). *The Affect Theory Reader.* New York, Duke University Press. https://doi.org/10.1515/9780822393047
Grishina, N. V. (ed.). *The psychology of personality. Staying in change*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2019. (In Russian)
Grishina, N. V., Kostromina, S. N. (2021). Processual approach: Stability and variability as the basis of personality integrity. *Psikhologicheskii zhurnal*, 42 (3), 39–51. (In Russian)
Guseltseva, M. S. (2025). Ongoing transformations: Human, world, methodology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology,* 15, 3, 352–370. (In Russian)
Herbrechter, S., Callus, I., Rossini, M., Grech, M., de Bruin-Molé, M., Müller, Ch. J. (eds) (2022). *Palgrave Handbook of Critical Posthumanism*. Cham, Palgrave Macmillan.
Hermans, H. J. M. (2022). *Liberation in the Face of Uncertainty: A new development in dialogical self theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 2022.
Hermans, H. J. M., Konopka, A., Gonçalves, M. (eds) (2019). *Handbook of Dialogical Self Theory and Psychotherapy: Bridging psychotherapeutic and cultural traditions*. New York, Routledge.
Husserl E. (2005). *Selected Works*. Moscow: Territoriia budushchego Publ. (In Russian)
Illouz, E. (2007). *Cold Intimacies: The making of emotional capitalism*. Malden: Polity.
Kostromina, S. N., Grishina, N. V. (2021). Arising as a subject of research in personality psychology. *Voprosy psikhologii,* 4, 21–37. (In Russian)
Lara, A., Liu, W., Ashley, C. P., Nishida, A., Liebert, R. J., Billies, M. (2017). Affect and subjectivity. *Subjectivity*, 10, 30–43. https://doi.org/10.1057/s41286-016-0020-8
Leontiev, D. A. (2011). New guidelines for understanding personality in psychology: From the necessary to the possible. *Voprosy psikhologii*, 1, 3–27. (In Russian)
Leys, R. (2011). The turn to affect: A critique. *Critical Inquiry*, 37 (3), 434–472. https://doi.org/10.1086/659353
Martsinkovskaya, T. D., Poleva, N. S., Khoroshilov, D. A. (2024). *Everyday psychology*. Moscow, Moscow Institute of Psychoanalisis Press. (In Russian)
Massumi, B. (2015). *Politics of Affect*. Malden, Polity.
Massumi, B. (1995). The autonomy of affect. *Cultural Critique*, 31, 83–109.
Pacheco, J. A. (2021). The "new normal" in education. *Prospects,* 51 (1–3), 3–14. https://doi.org/10.1007/s11125-020-09521-x
Ravetz, J. R. (2020). Science for a proper recovery: Post-normal, not new normal. *Issues in Science and Technology,* XXXVI (4). Available at: https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery/ (accessed: 17.10.2025).
Rosa, H., Trejo-Mathys, J. (2013). *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York, Columbia University Press.
Sato, S. N. (2023). Navigating the new normal: Adapting online and distance learning. *Education Sciences*, 14 (1), 19. https://doi.org/10.3390/educsci14010019
Sergienko, E. A. (2024). Subjective-existential approach to personality within the system of coordinates of modern scientific approaches. *Iuzhnorossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*, 25 (2), 46–62. https://doi.org/10.31429/26190567-25-2-46-62 (In Russian)
Smith, J. A., Flowers, P., Larkin, M. (2022). Interpretative phenomenological analysis: Theory, method and research. London, SAGE Publications. Available at: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/121710_book_item_121710.pdf (accessed: 17.10.2025).
Sooryamoorthy, R., Ojong, V. (eds) (2023). Researching the 'new normal' social world: Methodological adaptations and innovations post-pandemic. London, Routledge.
Thompson, E. (2007). *Mind in Life: Biology, phenomenology, and the sciences of mind.* Cambridge, MA; London, Belknap Press of Harvard University Press.
Turkle, S. (2015). *Reclaiming Conversation: The Power of Talk in a Digital Age*. New York, Penguin Books; Viking.
Vertovec, S., Sigona, N., Meissner, F. (eds) (2022). *The Oxford Handbook of Superdiversity*. Oxford, Oxford University Press.
Vial, S. (2019). *Being and the screen: How the digital changes perception.* Cambridge, MIT Press.
Zahavi, D. (1999). *Self-awareness and Alterity*. Evanston, Northwestern University Press.

Zahavi, D. (2005). *Subjectivity and Selfhood: Investigating the first-person perspective*. Cambridge, MIT Press.
Zahavi, D. (ed.) (2012). *The Oxford Handbook of Contemporary Phenomenology*. Oxford, Oxford University Press.
Znakov, V. V. (2022). Theoretical foundations of the psychology of the possible. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12, 2, 122–131. https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.202 (In Russian)

Received: November 28, 2025
Accepted: March 5, 2026

Author's information:

Marina S. Guseltseva — Dr. Sci. in Psychology; https://orcid.org/0000-0002-0545-0612, mguseltseva@mail.ru